



СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ДМИТРИЙ ЕВДОКИМОВ



СОЛО ДЛЯ ШПАГИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Е15

Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 235

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Евдокимов, Дмитрий
Е15 Соло для шпаги: роман / Дмитрий Евдокимов. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Лен-
нинград», 2022. — 352 с. — (Современный фантасти-
ческий боевик).

ISBN 978-5-17-149162-8

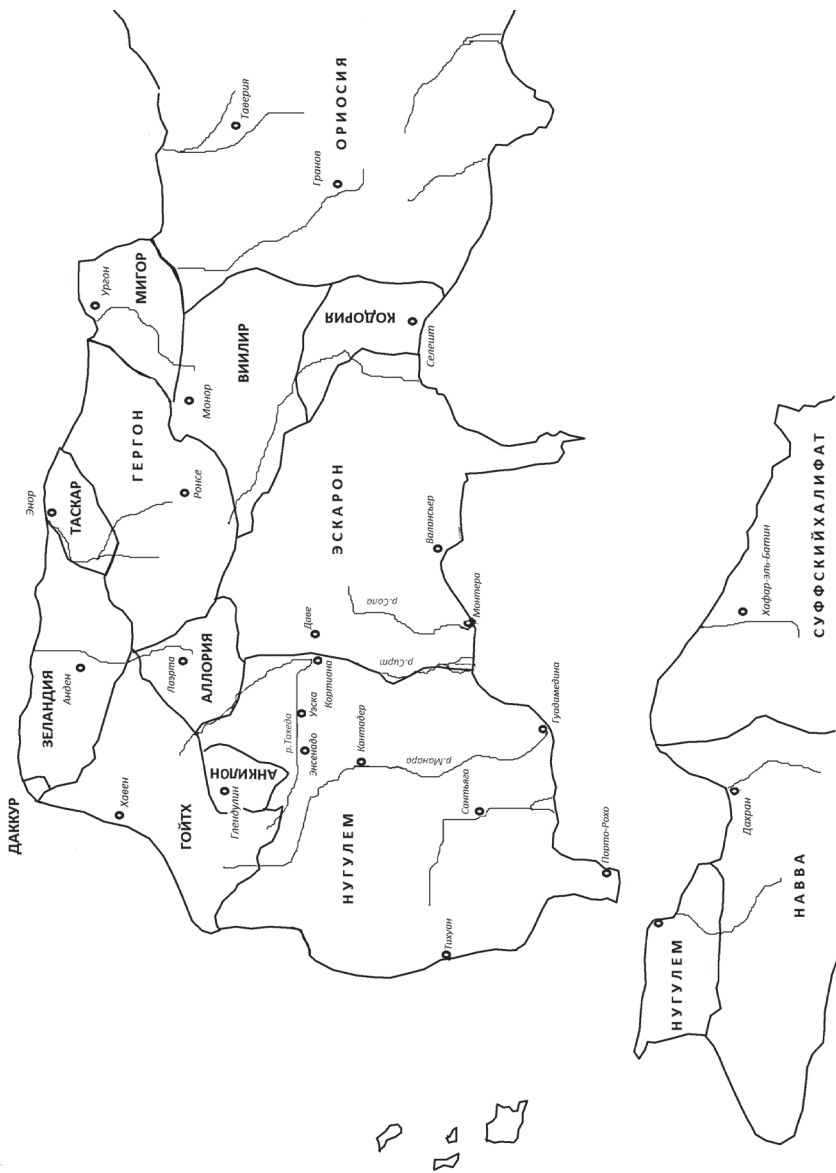
Кристиана де Бранди прозвали Смычком вовсе не за любовь к музыке. Он зарабатывает на жизнь шпагой, ведет дела с вором и ищет справедливости в споре за наследство, у него свои понятия о дружбе и чести, и плевать он хотел на сословные различия. Однажды порядочность и чувство долга не позволили ему бросить друга в беде, и Крис Смычок оказался вовлечен в стремительный водоворот событий, где опасность грозит из-за каждого угла, враги многочисленны и коварны, а рассчитывать можно только на собственную шпагу и провидение Господне.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-149162-8

© Дмитрий Евдокимов, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Эта книга посвящается всем поклонникам романов о рыцарях «плаща и шпаги», а также лично Кристине Леонидовне Попиловской, большой любительнице историй об эльфах и приключениях.



Глава I

Кантадерский трактир «Каштан» славится не только хорошей кухней и подаваемыми здесь знаменитыми на весь Нугулем местными винами, но и своим удобным местоположением. Заведение расположено на улице Танафе, примерно на одинаковом расстоянии как от центра Кантадера, так и от городских окраин, не слишком близко к речному порту, но и не слишком далеко от реки. Знойными летними вечерами открытая верхняя терраса «Каштана» овеивается легким ветерком, несущим речную прохладу от величаво катящей неподалеку свои воды Манары. Отсюда открывается шикарный вид на вечерний город с его ровными рядами масляных фонарей вдоль набережной и праздничными фейерверками, сверкающими то тут, то там в карабкающихся в гору кварталах местной знати. Совокупность этих факторов делает трактир привлекательным для самых разных слоев населения.

«Каштан» пользуется большой популярностью и в вечерние часы всегда полон народу. Народу, среди которого так легко затеряться. И народу, на глазах которого тебя поостерегутся убивать в том случае, если что-то пойдет не так. Ну и пути отхода с верхней террасы здесь особенно хорошие: можно уйти по внешней лестнице, а можно — по внутренней, используемой в основном местной прислугой.

Еще можно спуститься по ограждению и декоративной решетке хоть в переулок Знойный, хоть на улицу Танафе. А в совсем уж плохой ситуации можно и спрыгнуть с перил прямо на мостовую.

Всем хорош «Каштан» для таких людей, как я и Бельчонок, не зря мы предпочитаем этот трактир всем другим заведениям — очень уж удобное место для заключения и завершения сделок. Сколько дел мы здесь за три года провернули, и всегда все было хорошо. Вплоть до сегодняшнего вечера...

Мигель Эрнандес, более известный в определенных кругах как Мигелито Бельчонок, ты талантливый, можно даже сказать, гениальный, вор, но при этом абсолютный профан по жизни! Сколько раз моя шпага вытаскивала тебя из неприятностей, в которые ты попадал из-за своего парадоксального неумения разбираться в людях, а ты все так же упрямо продолжаешь ходить по краю! Ей-богу, лучше бы ты не скупился и платил Одноногому Лукасу долю за посреднические услуги! Я ведь предупреждал тебя, что везение не может длиться вечно и при таком подходе к делу беда обязательно случится!

Вот ты сидишь сейчас за столиком в центре зала и даже не подозреваешь, в какую жуткую передрагу попал сам и втянул меня! Как? Ну скажите мне ради всех святых, как можно было связаться с капитаном Карлесом де Монтегю? Мало того что от него самого за квартал веет опасностью, так он еще является одним из ближайших помощников графа де Бернье — командора Ожерского легиона, самой большой в Нугулеме компании наемников, а уж сам граф определенно напрямую общается с преисподней!

Как можно быть вором и не чувствовать людей, с которыми категорически нельзя связываться?

Ибо чем больше эти люди обещают тебе за работу, тем выше вероятность, что единственной наградой в итоге будет хороший удар кинжала под ребро. Де Бернье с приспешниками обычно занимаются делами такого рода, что живые свидетели им категорически противопоказаны. Уж я-то знаю, довелось как-то наниматься к ним на одну, к счастью, не очень долгую кампанию, посмотрелся на его головорезов, наслушался историй об их подвигах. А посему, Бельчонок, знаю точно: что бы ты там ни украл по заказу де Монтегю, твой смертный приговор уже подписан.

Конечно же, у тебя есть я, Крис Смычок, и в большинстве случаев этого аргумента более чем достаточно, чтобы остудить горячие головы твоих заказчиков, но не в этот раз, Мигелито, не в этот раз. Для того чтобы становиться поперек дороги наемникам де Бернье, нужно либо иметь за спиной пару сотен мушкетов, либо быть сумасшедшим. Своей армии у меня нет, а с душевным здоровьем все более или менее благополучно. Так что прости, Бельчонок, я ухожу...

Приняв единственно верное решение, я, тем не менее, не двинулся с места. Нехорошо получается. Не то чтобы мы с Мигелем прямо друзья, скорее все же просто приятели, но уже не раз работали вместе и привыкли доверять друг другу. Да и в целом парень он неплохой, несмотря на то что вор. Нельзя вот так просто бросить его на растерзание этим бандитам. Люди потом на меня косо смотреть будут, а главное — сам себе не прощу.

Понимаю, насколько это выглядит странно: я — дворянин, а он — вор, и для многих удивительным является сам факт нашего сотрудничества, но жизнь научила меня закрывать глаза не только на сослов-

ные, но и на профессиональные различия. Особенно когда речь идет о зарработке на эту самую жизнь.

Отыскав взглядом среди снующих по залу служанок Марию и дождавшись, когда она обратит на меня внимание, я продемонстрировал ей свою пустую кружку. Спустя минуту девушка уже оказалась рядом:

— Чего изволите, сеньор? — поинтересовалась она, склонившись надо мной с вежливой улыбкой.

— Срочно неси Бельчонку темного пива! — прошептал я ей на ушко и, исключительно для поддержания образа, игриво ущипнул за филейную часть.

— Все так плохо? — веселую беззаботность с лица Марии словно ветром сдуло.

Мигелито не любил пиво вообще, а темное так и вовсе на дух не переносил. Поэтому мы и придумали в свое время такую систему предупреждения об опасности. Светлое пиво — будь внимателен и осторожен, темное пиво — беги без оглядки! Хмельной напиток, при таком-то изобилии местных вин, не слишком популярен в Кантадере, но именно в «Каштане» торгуют действительно качественным продуктом, потому заказ пива здесь не вызывает особых подозрений, и использование его в качестве сигналов весьма удобно и практично.

— Дай бог нам пережить эту ночь, Мария... — Я вручил девушке монету и легонько подтолкнул в сторону лестницы. — Поспеши!

Тем временем небольшой кожаный мешок плавно перекочевал из рук Мигеля в руки де Монтегю. Тот не спеша распустил завязки и, не извлекая содержимого наружу, пару минут рассматривал его через горловину. Только после этого кивнул головой выступающему в роли телохранителя-казначей

громиле д'Эльми, и весьма увесистый кошель под столешницей был передан мастеру-вору. Бельчонок тоже не собирался верить заказчику на слово, потому взвесил кошель в руке, заглянул внутрь, дабы увидеть такой притягательный блеск монет, и лишь после этого спрятал деньги под плащом.

Тут и Мария с темным пивом подоспела. Нужно отдать должное Бельчонку: ни жестом, ни взглядом не выдал он своего волнения. Кивком головы поблагодарил служанку, повозился с завязками своего плаща и сбросил его на лавку рядом с собой. Это все для того, чтобы выиграть побольше времени. Марии не должно оказаться в поле зрения к тому моменту, когда он начнет пить пиво.

Я не стал досматривать этот спектакль до конца — пришло время мне отрабатывать свое жалованье. В трактире убивать Мигелито не решатся даже отморозки графа де Бернье. А вот позволить ему уйти отсюда с такой кучей денег — это не в их традициях.

По пути к выходу я заметил еще одну пару из сопровождения де Монтегю. Обоих мне приходилось встречать во время службы в легионе. Один из них, по фамилии ла Вивьер, скользнул по мне задумчивым взглядом, но, узнал или нет, понять было невозможно, тем более что их внимание сейчас было всецело сосредоточено на представлении, устраиваемом Бельчонком.

Как раз сейчас он должен пригубить пиво, построить кислую мину на лице, заявить о необходимости замены содержимого своей кружки и, оставив на месте свой новенький плащ, отправиться на поиски служанки. Некоторое время все будут ждать его возвращения, а вот потом начнется суэта!

Спустившись по внешней лестнице, я на минуту заскочил в нижний зал. Отыскал взглядом у входа на кухню Марию. Она кивнула головой — значит, здесь посторонних нет, никто не поджидает моего товарища. Это хорошо, это удачно. А удача — это то, что нам сегодня страсть как необходимо.

У входа в трактир со стороны переуллка было не очень многолюдно, поэтому четверка кутающихся в плащи мужчин, тихонько беседующих в сторонке, но при этом внимательно наблюдающих за дверью в «Каштан», сразу бросалась в глаза. Интересно, сколько их всего?

Совершенно беспрепятственно пройдя мимо головорезов де Бернье, скользнувших по мне своими придирчивыми взглядами, я юркнул в темный тупичок, часто используемый подвыпившими посетителями трактира в качестве отхожего места. Запах здесь стоял просто убийственный, и шанс вляпаться в самое настоящее дерьмо был чрезвычайно высок, но по этой же причине лучшего пути для экстренного отступления просто не существовало. Тем более что для знающих людей тупик вовсе не был тупиком.

Я замер, моля бога о помощи для себя и Мигелито и о том, чтобы в ближайшие минуты сюда не занесло какого-нибудь пьянчужку, озабоченного поиском места для опорожнения мочевого пузыря.

Бельчонок появился очень быстро. Благодаря маленькому театральному представлению наши противники еще не подняли тревогу в трактирном зале, а из-за того, что Мигель выскользнул из «Каштана» со стороны кухни, ему удалось проскочить мимо встречающей делегации невредимым. Запоздалый оклик раздался, когда он уже поворачи-

чивал в спасительный тупик. Впрочем, до спасения нам было еще очень далеко, приключения только начинались.

— Смычок? — прошептал Бельчонок, напрягая еще не привыкшие к темноте тупика глаза.

— Беги, Бельчонок, — подал я голос из своего угла, — беги очень быстро, много времени я для тебя выиграть не обещаю. И лучше исчезни из Кантадера прямо сейчас. Ты даже не представляешь, с кем связался!

— Встретимся на углу Амарго и Менорес! — Мой товарищ все еще был неисправимым оптимистом.

— Беги уже! — прошипел я, поскольку топот ног спохватившихся преследователей звучал уже совсем близко.

Мигелито исчез в темноте, а я снова отступил в сторону и прижался спиной к хлипкому деревянному забору.

Первый преследователь весьма самонадеянно нырнул в тупик, ни на мгновение не задержавшись у входа и не сбавляя скорость. Вовремя выставленная нога отправила его в полет с крайне неприятным приземлением. По поводу урона здоровью ничего не скажу, но тщательная чистка одежды ему теперь точно обеспечена.

Услышав шум падения своего товарища, второй противник предпочел притормозить на повороте и войти в темноту тупика более осторожно. Резко отделившись от забора, я ударил его эфесом шпаги в голову и тут же добавил стилетом в район груди. Раздавшийся скрежет металла о металл обозначил наличие под плащом у этого преследователя кирасы. Мой клинок бессильно соскользнул в сторону. Не давая врагу опомниться, я ударил его коленом

в пах и тут же повторно взмахнул стилетом, на этот раз вонзив его противнику в ключицу. Боец де Монтегю вскрикнул и рухнул на землю.

Не теряя ни секунды, я сделал шаг назад и ударом локтя в затылок прервал поток отборной брани, раздававшейся из уст пытавшегося подняться первого преследователя.

Третий головорез вошел в тупик со шпагой наголо, и сразу за ним появился четвертый. Только вот преимущество все еще было на моей стороне: мои глаза привыкли к темноте, а они только сошли с хорошо освещенной улицы. Молниеносным выпадом я поразил третьего противника в правый бок. Тот запоздало попытался отпрянуть назад, наткнулся на своего товарища, споткнулся и фактически упал ему на руки.

Четвертый оказался парнем сообразительным — быстренько уволок раненого собрата обратно на улицу и принялся звать на помощь. Что ж, большей выгоды здесь уже не извлечь, пора позаботиться и о себе. Вернув шпагу и стилет в ножны и несколько не беспокоясь об уроне своей дворянской чести, я отправился вслед за Мигелито Бельчком вглубь тупика.

Быстро бежать было никак нельзя, поскольку любое неосторожное движение грозило неприятным падением с непредсказуемыми последствиями — не далее чем год назад один бедолага свернул здесь себе шею, убегая от стражников. Оптимизма добавляло лишь осознание того, что наши преследователи из-за незнания местности будут передвигаться еще медленнее.

Аккуратно перепрыгнув через небольшой ручей, я проломился сквозь заросли крапивы — еще лето

не успело наступить, а она уже вымахала высотой с человеческий рост — и перемахнул через запирающий этот тупичок ветхий забор.

По едва угадывающейся в темноте тропинке перебежал через чей-то заброшенный сад, вскарабкался на разделяющую соседние участки каменную ограду и прямо по ней направился в сторону улицы Дефо, откуда все явственнее доносились звуки боя.

Хотя бой — это слишком громко сказано. По факту же Бельчонок изо всех сил отмахивался от двух вооруженных шпагами наемников своим кинжалом-ронделем с гардой и наверху в виде дисков, а те просто забавлялись, играли с ним в кошки-мышки. Ошибка, господа! Хотите убить — убейте сразу, а если решили поразвлечься, то будьте готовы к внезапному изменению условий игры. Спрыгнув на мостовую метрах в пяти позади нападающих, я изрядно переполошил всю компанию. Как и полагается вору, Мигелито среагировал быстрее всех, в одно мгновение оказавшись за моей спиной.

— Господа, не изволите ли оставить моего приятеля в покое? — У меня не было уверенности, что эти двое тоже из команды де Монтегю, поэтому я предоставил им шанс просто уйти.

— Смотри-ка, Анхель, вор со шпагой, — усмехнулся один из теперь уже точно людей де Монтегю, — становится все веселее.

— Сделал все, что мог... — Пожав плечами, я вытащил из-под плаща уже взведенный пистолет и выстрелил в весельчака.

С такого расстояния попасть было проще, чем промахнуться, потому и шансов уцелеть у противника практически не было.

— Ах ты! — воскликнул тот, которого звали Анхель, и, переступив через тело товарища, бросился на меня со шпагой.

Только вот удивить ему меня было нечем: мое превосходство в скорости было таково, что за какую-то минуту я в двух местах разрезал ему рукав камзола и едва не отрубил кончик носа.

Кроме того, Бельчонок со своим ронделем постоянно заходил Анхелю за спину, заставляя нервно оглядываться и постоянно менять позицию. Так что очень скоро наш противник растерял весь свой пыл, весьма здраво рассудил, что жизнь дороже чести, и очень резво пустился наутек вниз по улице.

— Уходим! — скомандовал я Мигелю, возвращая шпагу в ножны.

Если де Монтегю выставил людей даже на соседние улицы, значит, дело очень серьезное. Бельчонок наконец-то проникся масштабом проблемы, потому без лишних уговоров припустил трусцой в сторону ближайшего переулка. В этом вопросе я полностью доверял его чутью и прекрасному знанию города. Почти полчаса мы петляли по кантадерским улицам, площадям, переулкам и подворотням. Остановились только у ограды монастыря Святого Диего, когда посчитали, что забрались достаточно далеко от «Каштана», чтобы не опасаться преследователей.

— Бельчонок, твоими стараниями у нас крупные неприятности! — сообщил я, как только сумел восстановить дыхание. — Ты это знаешь?

— Уже догадался. — Вор беспечно махнул рукой. — Дело того стоило!

— Ты сошел с ума, Мигелито! Люди графа де Бернье мелочами не занимаются и всегда тщательно заматают следы. Понимаешь, что это означает?

— Держи! — Бельчонок извлек из-за пазухи небольшой кошель и пачку перевязанных красной тесьмой писем. — Твоя доля! Десять реалов и часть добычи!

Я присвистнул от изумления. Ничего себе доля, это ведь целый эскудо выходит! Но вместе с тем холодные щупальца страха сжали мое сердце и заставили его бешено колотиться. Если на мою долю пришлось десять реалов, значит, Бельчонок получил не меньше сорока! Никогда, подчеркиваю, никогда граф де Бернье не станет выбрасывать такие деньги на услуги вора!

— Бельчонок, друг мой, — произнес я внезапно осипшим голосом, — а что же такого ты украл для сеньора де Монтегю?

— Письма, Крис, просто письма одного престарелого вельможи, — широко улыбаясь, ответил Мигель Эрнандес.

Я поднес к глазам полученную от напарника пачку писем и попытался в тусклом лунном свете что-либо разобрать на верхнем листе. Однако все мои усилия оказались тщетными, осталось только ощущение, что почерк женский, но утверждать не берусь — слишком уж темно.

— А это зачем? — Я потряс пачкой перед лицом вора.

— Понимаешь, — тут Бельчонок слегка замялся, подбирая слова, — у меня была наводка на место хранения и конкретный заказ на пачку писем, перевязанную красной тесьмой. А чтобы хозяин не сразу понял, за чем именно охотились, велено было забрать еще несколько пачек с соседней полки. Я и сгреб еще с десятков в общую кучу, будучи в полной уверенности, что всегда отыщу нужную,

и только потом обнаружил, что у меня оказалось целых пять пачек с красной тесьмой! Сегодня же я подумал, что одну нужно приберечь на случай, если заказчик начнет юлить с оплатой, — оставить небольшой рычаг давления.

— Но с тобой же расплатились!

— Да, заказчик отдал всю сумму, но тут Мария принесла темное пиво, у меня все мысли спутались, и я забыл об этих письмах.

— Бельчонок! Моли бога, чтобы нужная де Бернье и де Монтегю информация не оказалась именно в этих письмах! Иначе они точно не успокоятся, пока не разрежут тебя на части. И меня, кстати, с тобой вместе!

— Ну, так это... — Кажется, мой приятель только сейчас осознал степень угрозы. — Я думал на пару месяцев уйти на дно, отсидеться дома.

— И думать забудь! — решительно отмел я его планы. — Нужно уходить из города, и как можно скорее.

— Но, Крис, никто не знает, где я живу!

— Поверь мне, Бельчонок, они перевернут Кантадер вверх дном, перетрясут всех трактирщиков, стражников, контрабандистов, воров, но отыщут тебя! Если хочешь жить — нужно бежать!

— Хорошо! — В этом был весь Бельчонок: еще минуту назад был категорически против бегства, а теперь легко соглашался с его необходимостью. — Но Эстела не соберется так быстро. Сегодня нас уже точно никто не найдет, мы за ночь спокойно соберем пожитки и завтра же уедем из Кантадера. Только и ты тогда уж приходи к нам. Тебя быстро найдут, ты-то из своего жилья секрета не делал. А вместе и спокойнее будет, и в дороге веселее.

Ага. Не то чтобы спокойнее, просто будет кому шпагой отмахиваться от супостатов. То есть вроде бы и обо мне позаботился Бельчонок, но и себя не забыл. Вообще-то мне проще самому бежать, в одиночку, когда рассчитывать можно только на себя, но и отвечать приходится лишь за себя любимого. Но есть в словах вора и рациональное зерно.

Бельчонок очень трепетно относился к тайне своего места жительства. Насколько я знаю, его всегда искали или в «Каштане», или через Одногого Лукаса. И никогда ни от кого я не слышал даже в качестве хвастовства слов «я знаю, где живет Бельчонок». Как ни странно, но после двух лет знакомства и пары десятков совместных дел именно я оказался допущен в святая святых и даже был удостоен чести познакомиться с очаровательной подружкой Мигеля Эстелой.

А вот я никогда не считал нужным скрывать адрес своего проживания, потому и вероятность того, что ищейки капитана именно через меня будут пытаться выйти на Мигеля, была очень высока. А уж в том, что мое имя быстро станет известно, можно даже не сомневаться. Для этого преследователям достаточно просто задать пару вопросов в трактире. А может, меня даже узнал кто-то из бойцов де Монтегю. Сам-то он в том дерзком налете на небольшой портовый городок Наввского халифата был капитаном роты и мог не знать всех солдат в лицо, тем более что почти треть состава была новобранцами, а вот простые наемники могут помнить.

Да уж, насмотрелся я тогда на подвиги компании де Бернье. Нет, пока штурмовали город и расправлялись с гарнизоном, все было нормально — война есть война. Но то, что творили наемники после

взятия города, навсегда отвратило меня от желания быть одним из них. С тех пор, как бы плохо ни шли мои дела, вербовочные конторы графа де Бернье я обходил десятой дорогой.

— Сделаем так, Мигелито. Ты идешь домой и готовишься к отъезду. А я очень быстро забегаю на свою квартиру, хватаю вещи и прихожу к тебе.

Как бы ни был я беден, кое-какие вещи у меня имеются, и бросать их очень не хочется. Думаю, что еще полчаса форы у меня есть. Должен успеть. На том и порешили. До сих пор я не знаю точно, какое решение в ту ночь было бы правильным...

В свою скромную квартиру, которую снимал на улице Риша, я попал спустя четверть часа. Предварительно разбудил живущего в этом же доме на первом этаже квартиросдатчика и предупредил об отъезде. Чтобы не выслушивать долгую старческую проповедь о нравах нынешней молодежи и обо всех неудобствах, которые я доставляю ему, внезапно съехав с квартиры, сразу заплатил за последний месяц двойную цену.

Вещей у меня совсем немного. Я ведь фактически голодранец, не имеющий ни кола ни двора, как перекаати-поле, скитающийся с места на место, нигде подолгу не задерживаясь. Как начал с детства метаться между Нугулемом и Эскаронем, так до сих пор остановиться не могу.

Родился я в Нугулеме, отца и мать потерял так рано, что совершенно их не помню. После их смерти меня забрал к себе один престарелый дядюшка, не имевший собственной семьи. Так я оказался в Эскароне, где до девяти лет рос вполне себе счастливо в маленьком поместье неподалеку от столицы стра-

ны Монтеры. Однако все изменилось в один день со смертью родственника. Сразу выяснилось, что хозяйство он вел крайне неумело, тратил больше, чем зарабатывал, потому имение должно отойти не малолетнему наследнику, а кредиторам. А кроме этого, нашлись еще и другие родственники, оспорившие завещание и, главное, способные погасить дядюшкины долги. В конце концов так и произошло. Естественно, что сирота, да еще являющийся дальним родственником, потенциально способным в будущем заявить свои права на наследство, оказался нежелательным лицом. И меня спланировали к другой родне обратно в Нугулем.

В замке барона де Вилья — дальнего родственника по материнской линии — мне жилось гораздо менее вольготно по сравнению с Эскарроном. Здесь я воспитывался вместе с тремя кузенами, двое из которых были старше меня и никогда не упускали шанса воспользоваться своим преимуществом в росте и силе: тычки и подзатыльники стали постоянными явлениями в моей жизни. Хотя барон и старался не обделять меня своим вниманием, но делать это в присутствии родных внуков ему было трудно. Тем более что родители кузенов не скрывали своего неприязненного отношения ко мне и постоянно настраивали детей против меня. По всей видимости, считали, что барон тратит слишком много средств на содержание «безродного голодранца», а может, опасались, что мне будет выделена какая-то доля наследства.

Как бы то ни было, атмосфера всеобщего презрения и ненависти сыграла свою роль. В тринадцать лет я сбежал из дома с Аларкосским пехотным полком, отправлявшимся в заморскую провинцию Ну-

гулема для очередной войны с Наввским халифатом. В солдаты меня, понятное дело, не взяли, но я влился во вполне стройные ряды малолетних денщиков-мочилеро и три года исправно исполнял свои обязанности при сержанте Васко Ньето.

В полку тоже было несладко, но, закаленный жизнью среди де Вилья, я легко вписался в армейский быт. По меньшей мере здесь были общие для всех правила и границы дозволенного, а следовательно, гораздо меньше необоснованной несправедливости. Ну и школа жизни у меня получилась — куда там баронской. В шестнадцать лет меня полноценно зачислили в полк, а к двадцати я уже считался чуть ли не махровым ветераном.

С окончанием войны корона сильно сократила жалованье солдатам, и я в числе многих решил поискать счастья в наемниках. Так и оказался среди головорезов де Бернье, которые в частном порядке продолжали делать то, что уже не могла делать регулярная армия, то есть воевать. Только вот то, как наемники это делали, мне сильно не понравилось, и, едва дождавшись окончания кампании, я ушел на вольные хлеба.

Зарабатывал на жизнь шпагой, охранял купеческие обозы, а когда по воле случая оказался в столице соседнего Эскарона, нанялся в бывший тогда у всех на слуху дворянский Патруль. И так уж получилось, что в разразившейся вскоре после этого войне Нугулема и Эскарона я уже выступал на стороне последнего. А после войны меня неожиданно-негаданно нашло письмо нотариуса с приглашением вступить во владение замком и землями, оставленными мне бароном де Вилья! Сказать, что я был удивлен, значит ничего не сказать! Недолго

думая, я отправился в путь — от такого разве отказываются?

Только вот по прибытии на место выяснилось, что есть более позднее завещание, где все имущество отходит кузенам, а я среди наследников вовсе не упоминаюсь. Хотел поговорить по душам с нотариусом, да у родственничков все кругом уже было куплено, и добиться правды было решительно невозможно. Меня даже грозились упечь в местную тюрьму якобы за устройство беспорядков. Пришлось приложить немало усилий, чтобы избежать подобного исхода, соответственно, к кузенам у меня накопилось очень много вопросов. Потому я поселился неподалеку от них, в Кантадере, терпеливо дожидаясь возможности повстречать кого-то из них в городе. Богатырским телосложением я не обладаю, но это несколько не мешает мне весьма прилично владеть шпагой, так что связываться со мной решаются немногие. Вот и кузены вынуждены были из-за меня обходить Кантадер десятой дорогой. И вот теперь, волею судьбы и неосмотрительности Бельчонка, приходится мне избавлять родственничков от своего соседства.

С вещами удалось управиться за четверть часа. Еще раз зашел к хозяину, отдал ключ и попросил всем интересующимся говорить, что квартирант съехал еще два дня назад. Впрочем, по выражению его лица сразу стало понятно: расскажет правду с мельчайшими подробностями. Зря я заострил его внимание на своем отъезде.

На улице пока было спокойно. Быстренько перебежав за угол, я еще минут десять прислушивался, так как почему-то был уверен в скором появлении на улице людей де Монтегю. Но никто так и не по-

явился. Может, я переоценил их способности? Дай-то бог.

На Жасминовой улице пришлось вжаться в тень широкой воротной арки, чтобы разминуться с патрулем городской стражи. Не лучшее сейчас время для общения с этими малоприятными господами, тем более что разговор их крутился вокруг происшествия в «Каштане».

Еще на подходе к кварталу, в котором проживал Бельчонок, обратили на себя внимание отсветы пламени на фоне ночного неба. Всецело занятый осмотром дороги, сначала я не придавал им особого значения. И только подойдя ближе, понял, что до роскошных вилл аристократов, где каждый божий день кто-то что-то празднует с музыкой и фейерверками, отсюда очень далеко, следовательно, речь может идти только о занимающемся пожаре. Я остановился как вкопанный.

На какой из участков следует входить с улицы, я не знал: Мигель не показывал, да и сам никогда не ходил домой через парадный вход. Но по примерно-му расположению внутри квартала было очень похоже, что горит именно жилище моего товарища. Черт, черт, черт! Я бегом бросился на боковую улицу, нырнул в переулок, пересек вытянутый в длину заросший травой овраг и вышел к тропинке, выходящей через заросли орешника вдоль тыльной стороны участков.

Тело Бельчонка лежало прямо у отодвигающейся доски забора. Разговор был коротким: его ударили шпагой и добили кинжалом. Потом обыскали тело — ни оружия, ни денег при Мигелито больше не было. Я сжал кулаки и застонал в бессильной ярости. Как же так, Бельчонок? Ну как же так? Ведь они знали! Они знали, где ты живешь! Поэтому не тратили

время на погоню и поиски в ночном городе, а сразу направились сюда и поджидали в засаде! Но как? Как?

Ответ обнаружился по ту сторону забора. У едва заметной тропинки лежало еще одно тело. И это было тело Одноногого Лукаса. Эх, Мигелито, недооценил ты воровского сообщества! Или потерял бдительность? Как бы то ни было, но Лукас знал дорогу и, себе на погибель, привел людей де Монтегу сюда. Боже мой, там ведь в доме Эстела! Страшно подумать, что эти негодяи могут сделать с бедной девушкой!

Минута паники и растерянности быстро прошла. Холодная решимость заставила уняться бешено бьющееся сердце. Они убили моего друга! Все-таки друга! Я отчетливо понял только сейчас: вор Бельчонок был моим другом! И проклятые наемники убили его, а сейчас убивают его подругу! Может быть, хоть ее я успею спасти! Безмолвной тенью скользнул я в темноту маленького сада.

Пока горел только пристроенный к дому деревянной сарай, но огонь добрался уже до крыши и вот-вот должен был перебраться на жилое строение. Нужно спешить! Однако в следующий миг пламя пожара высветило стоявшего на тропинке человека. Черная шляпа с пером, оттопыренная шпагой пола темного плаща. Двух мнений быть не может: убийцы еще здесь!

Прислонившись к стволу дерева, наемник любовался видом объятых пламенем сарая. За этим интересным занятием он и умер. Я не стал размениваться на благородные мелочи вроде приглашения к бою — удар стилета в спину сделал свое дело. Тут вам не дуэль, тут война!

Из-за угла дома появился еще один человек в шляпе и плаще и направился в мою сторону. О не-

приятности, приключившейся с товарищем, он знать не мог, так как перед домом было гораздо светлее, нежели в тени деревьев. По той же самой причине невозможно было на расстоянии отличить меня от убитого наемника. Я решительно отправился навстречу, держа руку под плащом на эфесе шпаги.

Мой противник заподозрил неладное, когда расстояние между нами сократилось метров до трех.

— Эй, а где Дюпон?

По крупной комплекции я уже предполагал, что мне посчастливилось встретиться на узкой тропинке с д'Эльми, а подав голос, он лишь подтвердил мою правоту.

Шпага молнией вылетела из-под моего плаща и полоснула здоровяка по лицу. Ума не приложу, как он сумел отшатнуться таким образом, что отделался лишь порезом на правой щеке. Воистину крупные люди иногда проявляют просто чудеса ловкости и изворотливости! Д'Эльми успел даже выхватить шпагу из ножен, но на этом запас его везения был исчерпан. В следующем выпаде я проткнул наемника насквозь.

Несколько мгновений боец де Монтегю еще сохранял равновесие, держась рукой за пробитую грудь и судорожно пытаясь вдохнуть воздух широко раскрытым ртом. Потом ноги его подкосились, д'Эльми грузно осел на землю, после чего завалился на спину. Я кончиком шпаги откинул полу его плаща в сторону. На поясе наемника обнаружился кинжал Бельчонка, а по соседству с ним располагался тот самый кошель, что был передан вору в «Каштане». Значит, вот кто убивал Мигелито!

С трудом подавив приступ ярости, я забрал заработанные моим другом деньги, потом извлек кин-

жал-рондель из ножен и ударом в грудь добил уже слабо хрипевшего к тому моменту противника. Мне показалось правильным и весьма символичным оставить кинжал Бельчонка в теле его убийцы.

Покончив со вторым негодяем, я поспешил к дому. Огонь уже охватил дощатый фронтон, нужно было поторапливаться.

В маленькой кухоньке рыжеволосый наемник суетливо сбрасывал приглянувшиеся предметы утвари на расстеленный на полу плащ. При виде меня он испуганно закричал и попытался заслонить телом свою добычу. Несусветная жадность, замешанная на глупости! Где на свет божий рождаются такие дураки? Хороший удар шпаги оборвал крик рыжего.

На шум из комнаты выскочил еще один боец из команды де Монтегю, в примечательной белой шляпе с темно-зеленым пером. Этот быстро сориентировался в ситуации и отпрыгнул назад раньше, чем я сумел до него добраться. Ну, ничего, далеко не убежит.

Со шпагой в правой руке и взведенным пистолетом в левой я вошел в комнату как раз вовремя, чтобы спустить курок на полсекунды раньше противника. Ответный выстрел так и не прозвучал, но это было дело чистой воды везения, а не результатом правильности моих действий. Мысленно выругав себя за неосторожность, я переступил через тело обладателя белой шляпы и остановился перед Эстелой.

Она сидела на стуле посреди комнаты, связанная по рукам и ногам, ее голова была безвольно запрокинута назад, губы разбиты, платье залито кровью. Тело уже успело остыть, из чего следовало, что бандиты попали в дом заранее. Может, они уже были здесь в тот момент, когда Бельчонок передавал добычу в трактире, то есть приговор был подписан

заранее. Мерзавцы пытали бедную девочку, видимо, надеялись добиться выдачи тайника с деньгами, да только зря все это было: денег, достойных тайника, в этом доме просто не водилось. На моей памяти сегодняшняя сделка была первым и единственным жирным кушем в жизни Мигелито.

Не время предаваться отчаянию и оплакивать друзей, пора самому уносить ноги. Подняв тело Эстелы вместе со стулом, я вынес его в сад и оставил возле трупа д'Эльми: не нужен ей погребальный костер, пусть бедную девочку похоронят нормально, по-христиански.

Глава 2

Граф де Бернье подчеркнуто спокойно свернул последнее письмо, аккуратно уложил его в ровную стопочку таких же слегка пожелтевших от времени писем и перетянул красной тесьмой.

— Так значит, маркиз де Сальвери в бешенстве? — голосом, лишенным эмоций, осведомился глава Ожерского легиона у нервно потеющего в окружении трех бойцов из охраны графа щеголевато одетого молодого человека.

— Скорее в панике, монсеньор, — смущенно прочистив горло, ответил щеголь. — Мечется по замку, отдает противоречивые приказы, рассылает людей во все стороны.

— А скажи-ка мне, Эрнесто, сколько всего было пачек писем с красной тесьмой? — сложив руки в замок, вкрадчиво поинтересовался де Бернье.

— На верхней полке только одна, на второй и третьей было еще несколько, я не считал, — нервно облизнув губы, ответил молодой человек. — Но нужные нам письма лежали именно наверху.

— Хорошо, — помолчав несколько томительных минут, принял решение глава наемников, — капитан, выдайте господину секретарю обещанное вознаграждение.

— Держи, секретарь! — мрачный капитан де Монтегю, не вставая со стула, бросил Эрнесто туго набитый кошель.

— Благодарю вас, монсеньор! — мгновенно воспрянувший духом секретарь ловко поймал кошель на лету. — Благодарю вас! С вами приятно иметь дело! Всегда к вашим услугам!

— Исчезни! — мрачно процедил сквозь зубы де Монтегю, в то время как граф де Бернье невидящим взглядом смотрел сквозь молодого щеголя. Этого человека для него уже не существовало.

Секретарь маркиза де Сальвери почел за благо быстренько покинуть помещение, охрана последовала вслед за ним, оставляя главу наемников и его верного капитана наедине.

— Маркиз де Сальвери — слишком влиятельная персона, — едва слышно произнес граф, — ссориться с ним нам не с руки. Ни одна ниточка не должна привести к нам.

— Я понимаю, командор, все будет в лучшем виде, — усмехнулся капитан.

— Вору были даны точные инструкции?

— Абсолютно.

— Какого же тогда черта?! — де Бернье впервые проявил эмоции, повысив голос и стукнув кулаком по столу. — Неужели он прочел?

— Исключено, неграмотный он. Думаю, просто подстраховаться решил. На случай, если я с ним не расплачусь, придержать пачку писем.

— Но ты же расплатился? — Граф повернул голову к де Монтегю, и у того мурашки побежали по коже от брошенного на него грозного взгляда.

— Конечно, расплатился! — поспешил успокоить командира капитан Ожерского легиона. — Но наш Бельчонок работал с прикрытием, думаю, его предупредили, что с нами опасно иметь дело.

— Де Монтегю, не испытывай мое терпение! Кто предупредил и какое это имеет значение, если ты заплатил обещанные деньги?

— Его охранял некий Кристиан де Бранди, более известный как Крис Смычок. Дворянин, работавший у нас по найму в одну из Наввских кампаний. Он мог узнать меня и подать знак Мигелито.

— Смычок, Смычок... — Главный наемник с минуту покопался в памяти. — Невысокого роста, чернявенький, юркий такой, подвижный, со шпагой лихо обращается?

— Мне бы вашу память, командор! — восхищенно воскликнул де Монтегю.

— Кто его опознал? — поинтересовался де Бернье, проигнорировав лесть подчиненного.

— Ла Вивьер. И д'Эльми его лицо показалось знакомым.

— Смычок — дворянин, не исключено, что грамотный... — Граф побарабанил пальцами по столу и вновь многозначительно посмотрел на капитана.

— Уже ищем, монсеньор! — Де Монтегю изо всех сил постарался достойно выдержать взгляд своего командира. — Адреса обоих уже известны. Д'Эльми отправился к вору, ла Вивьер — к Смычку.

— Отправь людей на пристань и на все выезды из города. Они не должны уйти.

— Будет сделано!

Как только за одним из его ближайших помощников закрылась дверь, де Бернье сгреб пачку писем со стола, прошел к камину и безжалостно бросил их на тлеющие угли. А после того как они вспыхнули, стал наблюдать за огнем, тщательно перемешивая старые бумаги кочергой. Увы, это были не те письма, ради которых стоило рисковать вступать в противоборство с такой влиятельной фигурой, как маркиз де Сальвери, потому оставлять их при себе было недопустимо.

Надо срочно искать нужные бумаги, перевернуть вверх дном весь город, но непременно раздобыть их! Нельзя упускать такой шанс пробиться в фавориты принца Роберта, тем более что тот в одночасье может перескочить через две ступени в очереди за нугулемской короной.

— Подумать только: Смычок и Бельчонок встали у меня поперек дороги! Дожил! — угрюмо усмехнулся командор, зачарованно наблюдая, как последние листки бумаги превращаются в пепел. — Что ж, поглядим, на сколько их хватит.

Глава 3

Восточный ветер стянул дымовую завесу с поля боя, обнажив улепетывающую со всех ног нугулемскую пехоту. Справедливости ради стоило отметить, что в этом спешном отступлении и пикинеры,

и аркебузиры в большинстве своем не спешили расстаться с оружием.

— Смотри, Рауль, — граф Серж де Сен-Мар протянул руку, указывая племяннику в сторону отчаянно старающихся добраться до перелеска зеленых мундиров, — сейчас появятся остроухие и устроят форменную мясорубку.

— Но, дядя, — у молодого Рауля де Людоня азартно блестели глаза в предвкушении первого настоящего боя, — если их настигнут в поле, то подмога не успеет.

— Да и бес с ней, с пехотой, — легко согласился де Сен-Мар, — главное, чтобы эльфы увлеклись преследованием.

Словно в подтверждение слов графа, нугулемцы стали массово валиться на землю, настигаемые длинными эльфийскими стрелами, а вскоре из клубов порохового дыма появились стремительные гибкие фигуры в переливающихся плащах. Скорость, с которой они на бегу выпускали в сторону противника огромное количество стрел, была просто невероятной.

Регулярных нугулемских частей в этом деле в долине с эльфийским названием Акутель практически не было. Северные бароны действовали на свой страх и риск при молчаливом согласии властей: проучить слишком много позволявших себе в последнее время эльфов было нужно, но втягиваться в полноценную войну страна пока была не готова. Королевство еще не оправилось от болезненного поражения от Эскарона трехгодичной давности. Собственно говоря, именно тогда страна эльфов Анкилон и активизировалась, отняв у Нугулема две большие горные долины и отодвинув границу чуть не на сто километров южнее.

Сами долины были практически не заселены и использовались скорее в качестве буферной зоны между нугулемским севером и Анкилоном. Но их потеря привела к тому, что теперь воспрянувшие духом остроухие постоянно беспокоили уже непосредственно земли северных баронов.

Когда-то давно эти самые бароны были храбры и воинственны, а их отряды многочисленны и хорошо обучены. Именно они в свое время загнали эльфов в горы и на долгие годы отбили у них охоту соваться в нугулемские поселения. Но это было давно. Сейчас же потомки тех самых героических северных землевладельцев с горем пополам собрали около двух тысяч скверно обученных бойцов, десять раз переругались при выборе предводителя и отправились «учить жизни» эльфов.

Слава богу, что губернатор де Оливарес позволил усилить этот разномастный сброд батальоном пехоты и эскадроном рейтар из кастельонского гарнизона, иначе де Сен-Мар ни за что не согласился бы примкнуть к распаленным воинственной риторикой своих сеньоров северянам. Эльфы, даром что до сих пор отдают предпочтение луку и стрелам, в состоянии нагнать страху на неподготовленных вояк. А вот имея в рядах войска регулярные части, можно попытаться воинского счастья и дать получить первый боевой опыт племяннику.

Кастельонский батальон и проявил ожидавшуюся от него стойкость. Регулярная пехота не поддавалась панике и сохранила стройность рядов. На град стрел солдаты ответили метким огнем аркебуз, а попытку смять их в ближнем бою пресекла дружная работа пикинеров.

Часть эльфов завязли в попытке разобраться с неуступчивым батальоном, но большинство увлеклись преследованием баронских вояк. Еще немного — и они подставят свои фланги ожидающей в засаде кавалерии, еще немного, еще чуть-чуть... Внезапно преследователи согласованно, как по команде, развернулись и бросились наутек.

— Вот черти остроухие! — изумленно воскликнул граф и грязно выругался.

Решив, что лучше уж атаковать врага сейчас, пока он не успел отойти на первоначальные позиции, баронская кавалерия ринулась в бой. Увлеченный общим порывом, сорвался с места и Рауль.

— Стой! Рауль, назад! Не время еще, не время! — раздраженному нелепой и преждевременной атакой де Сен-Мару пришлось тоже пришпорить лошадь, дабы сильно не отстать от юного родича, приглядывать за которым он обещал брату.

Вполне предсказуемо эльфы дружно развернулись, выпустили по паре стрел в сторону приближающейся кавалерии и вновь побежали. Поскольку целили они преимущественно в лошадей вырвавшихся вперед всадников, то ряды атакующих вынуждены были замедлиться из-за возникших на пути заторов: самые быстрые скакуны валились прямо под ноги своим поотставшим собратьям.

Де Сен-Мар ловко обогнул несколько завалов, все еще стараясь не упустить из виду спину племянника. Дальше можно было не сильно спешить: теперь остроухие должны отступать до начальных позиций, под защиту своих копейщиков. Там кавалеристам волей-неволей придется замедлиться, чтобы перестроиться и постараться охватить обороняющихся с флангов. Если, конечно, не удастся с ходу

опрокинуть ошетилившиеся длинными копьями ряды, но это вряд ли.

Однако нугулемцев ждал большой неприятный сюрприз. Вновь повинувшись какому-то сигналу, участвовавшие в разгоне вражеской пехоты эльфы бросились наземь, открывая защитникам рубежа обзор на приближающихся всадников. Но вместо града стрел оттуда грянул мушкетный залп! Бог ты мой! Эльфы и огнестрельное оружие! Не рухнут ли следом небеса на землю?

Но и это было еще не все! Через минуту, когда пороховой дым над эльфийскими построениями немного развеялся и отступающие бойцы королевства Анкилон добрались-таки до спасительной стены дружественных пик, со стороны горного воинства раздались выстрелы пушек! Картечь скосила первые ряды атакующей кавалерии, и графу теперь оставалось лишь молиться богу, чтобы юный Рауль уцелел в этой мясорубке.

— За мной! За мной! В обход! — крикнул де Сен-Мар ближайшим к нему всадникам и направил коня влево. Несколько десятков кавалеристов устремились за ним, уходя с линии огня за ближайший холм.

Де Сен-Мар был слишком опытен, чтобы просто повести свой маленький отряд вокруг холма, уж слишком велика там была вероятность нарваться на превосходящие силы врага. Вместо этого ведомые графом всадники прошли прямо по склону и, совершенно неожиданно для противника, вынырнули сбоку от нацеленных на отражение атаки с фронта копейщиков.

Маленький отряд врубился в ряды эльфов, внося в них сумятицу и смерть. Здесь де Сен-Мар сво-

ими глазами увидел неприятельских аркебузирв, неумело старающихся перезарядить непривычное оружие. Будь у графа за спиной хотя бы сотня рейтар, можно было бы опрокинуть основной отряд анкилонцев, добраться до батареи и с большой долей вероятности одержать победу. Но со столь малыми силами думать нужно было не о победе, а о выигрыше максимального количества времени для своих товарищей.

Не останавливаясь ни на мгновение, де Сен-Мар прорубился к первым рядам копейщиков, сбил грудью коня четверых эльфов, еще двоим добавил шпагой по голове, абсолютно не беспокоясь за результат, и, вырвавшись в поле, помчался назад. Как раз за мгновение до этого вражеские пушки разродились очередным залпом, что давало дерзкому отряду шанс уйти безнаказанным, воспользовавшись временем перезарядки.

Так оно и вышло. Пушкарки были заняты загрузкой пороха и ядер, а аркебузиры не сразу справились с замешательством, в итоге граф быстро вывел своих кавалеристов из-под удара. Но сам задержался в месте наибольшего скопления тел нугулемцев.

— Рауль! Рауль! — надсаживая голос, кричал Серж де Сен-Мар, мечась по полю боя и всматриваясь в груды бездыханных и еще подающих признаки жизни тел.

Нужно было торопиться, ибо граф слышал уже резкие команды эльфийских командиров и видел, как главный полк анкилонской армии двинулся вперед. Через несколько минут он окажется в досягаемой близости для вражеских стрел, а там и копейщики подспеют с обычной пехотой, неплохо владеющей наррашем — эльфийским аналогом шпаги.

— Дядя! — наконец раздался где-то рядом сдавленный крик.

— Рауль, я здесь!

Де Сен-Мар прыгнул с коня и быстро стянул с племянника бездыханное тело незнакомого всадника. Правая нога юноши оказалась придавлена убитой под ним лошадью. Напрягая все силы, Серж приподнял удерживающий Рауля на земле лошадиный круп, позволяя тому освободить ногу. Слава богу, она была цела, и графу не пришлось тащить Рауля на себе, такое промедление могло погубить обоих.

— Быстро! — Де Сен-Мар вернулся в седло и помог усесться позади себя племяннику. — Уходим!

— Дядя, а как же сражение? — наивно спросил Рауль, оглядываясь на груды нугулемских тел, разбросанных вокруг.

— Нет больше никакого сражения, Рауль! Эльфы победили!

— Мы не ожидали, что у них будут пушки!

— Мы много чего не ожидали! — проворчал граф, направляя коня на юг, в сторону спасительной дубовой рощи.

Эльфов не так много, чтобы вести речь о полноценном вторжении, скорее всего, они ограничатся упреждающим набегом на ближайшие деревушки и вернуться в свои долины. Де Сен-Мар же уедет как минимум в Кагельон, а то и в Уэску, где присутствуют настоящие нугулемские войска. Под началом же бестолковых баронов он больше воевать не собирается.

— Откуда у Анкилона огнестрельное оружие — это вовсе даже не вопрос, — размышлял вслух граф, имея в виду союзнические отношения остроухих

с Аллорией и Эскароном. — Но вот кто не только заставил упрямых эльфов взяться за него, отложив в сторону традиционный лук со стрелами, но и обучил передовым методам боя? Плохо дело, здесь малыми силами теперь не обойтись.

Глава 4

Задерживаться на пожарище я не стал. Долги убийцам моих друзей выплачены, но сдается мне, что наемники из Ожерского легиона не просто замечают следы после очередного грязного дела, а мстят за уже пострадавших этой ночью товарищей. Свой кодекс чести они чтут безоговорочно, и тут я с ними полностью согласен: многие остерегаются связываться с людьми де Бернье именно из-за этого стайного принципа, обещающего гарантированное возмездие за убитых легионеров. Проблема лишь в том, что я только что хорошенько приумножил счет, который мне постараются предъявить наемники. Так что оставаться в Кантадере теперь для меня смерти подобно.

Придется покинуть полюбившийся город и вновь отправиться в свои бесконечные скитания. На радость родственничкам де Вилья! Впрочем, мой первый порыв выяснить с дражайшими кузенами отношения уже давно иссяк, и в Кантадере я оставался скорее от неимения своей крыши над головой, чем от желания извести под корень род де Вилья. Так что решение уносить ноги далось мне достаточно просто, гораздо сложнее было определиться с выбором направления бегства.

И вот здесь я мог дать полную свободу своей фантазии, ведь можно было с одинаковым успехом отправиться хоть на юг, хоть на запад или восток. Можно даже на север двинуться, но там не так уж далеко до эльфийской границы, где сейчас слишком беспокойно. Впрочем, может, это и к лучшему: в том направлении меня станут искать в последнюю очередь.

В том же, что меня будут искать, я совершенно не сомневался. У графа де Бернье медвежья хватка и недюжинный ум, несомненно, он сопоставит факты и поймет, кому обязан срывом своих планов в Кантадере. Я слишком хорошо знаю эту публику, чтобы просто залечь на дно и надеяться, что вскоре все само собой успокоится.

Известно ли людям графа о моем монтерском периоде жизни? Ответ может быть любым, но лучше исходить из тех соображений, что известно. Поэтому напрямую в Эскарон я отправиться не рискну, а вот, сделав крюк в сторону севера, пожалуй, попробую.

Неисповедимы пути господни! Судьба словно насильно подталкивает меня в сторону страны, с которой меня связывают наиболее теплые воспоминания. Как ни крути, а та часть детства, которую я считаю счастливой, прошла в Эскароне, да и до получения этого проклятого письма о баронском наследстве я вполне хорошо себя ощущал в Монтере. Вот и отправлюсь туда. Рене Орлов не откажет в протекции старому знакомцу, а учитывая, что сам он теперь уважаемый человек и даже граф, да еще и на хорошем счету у могущественного начальника департамента безопасности королевства графа де Бюэя, проблема обустройства на новом-старом ме-

сте и вовсе выглядит пустячным делом. И есть еще один важнейший довод в пользу Эскарона: люди де Бернье там вне закона, им туда хода нет.

Размышлял я на тему выбора направления бегства из Кантадера на ходу, пробираясь по темным улицам к речному порту. Во-первых, нужно было как можно скорее покинуть район, в который уже начали стягиваться стражники, пожарные и простые зеваки. Во-вторых, от порта можно было двинуться к северной заставе, а можно и напроситься на отправляющееся вверх по реке судно, благо денег у меня на такие путешествия теперь хватает. Если смотреть по карте, то ближайший путь к цели моего путешествия лежал на восток, но, к большому сожалению, там дорогу преграждали горы, которые легче обойти, нежели продираться через редкие перевалы. Так что выбор невелик: либо на юг до морского порта по суше или по реке, либо на север, через города Энсенадо, Уэска и Кортиана.

Однако же, дойдя до улицы Ливаро, я остановился как вкопанный.

— Смычок, ну не дурак ли ты? — спросил я сам у себя, для пущей убедительности стукнув себя кулаком по лбу.

Какой порт? Какая северная застава? Если уж на кону стоят такие деньги, то люди де Бернье взяли под наблюдение все выходы из города еще днем, чтобы Бельчонок не смог ускользнуть. Нельзя соваться ни туда, ни туда, если жить хочу! А я пока на тот свет не спешу.

Я свернул вправо, пересек маленький парк позади монастыря Святого Антония, перебрался через остатки старой городской стены и оказался в темном и неприглядном районе Триана, населенном

преимущественно городской беднотой и наемными работниками с окрестных ферм. Гулять здесь в темное время суток чужакам не рекомендуется — как по причине большой вероятности быть убитым и ограбленным, так и из-за возможности свернуть себе шею, угодив в темноте в канаву с нечистотами. Зато через Триану можно выйти из Кантадера прямо в поля, минуя все заставы и посты стражи.

Я не часто бывал здесь, но повадки местных обитателей были мне прекрасно знакомы. Потому, едва слышав сзади осторожные шаги, небрежно бросил через плечо:

— Крысам на корм пуцу, канальи!

Подействовало. Еще десяток шагов ночные охотники следовали за мной, оценивая реальность угрозы, потом отстали. И правильно сделали, ибо в противном случае все вышло бы ровно так, как я и обещал. Не по зубам я местным грабителям.

Миновав перекресток с главной местной достопримечательностью — трактиром «У Марии», в котором отродясь никакой Марии не было, я осторожно спустился в овраг. А поднявшись на его противоположный склон, уже очутился на окраине ржаного поля. Здесь город заканчивался.

Когда намечал себе маршрут, думал в этом месте постоять пару минут, глядя на ночной город. Так сказать, попрощаться с Кантадером. Однако, повернувшись, обнаружил, что отсюда смутно видны лишь ближайшие трущобы Трианы да далекие огоньки расположенных на горе богатых вилл. Сплюнув с досады, я отправился прямо по ржаному полю в сторону севера, стараясь при этом немного забирать левее, чтобы утром выйти к дороге на север, в сторону города Энсенадо.

Впрочем, на сегодня я счел свою задачу выполненной и, завернувшись в плащ, завалился спать прямо в поле. Думаю, что банда графа де Бернье завтрашний день точно должна потратить на мои поиски внутри Кантадера, так что нет никакого смысла сбивать ноги в темноте, тем более что денек выдался беспокойный, а силы мои не беспредельны. Лучше отдохнуть сейчас, в месте, где меня гарантированно не найдут, чем потерять бдительность от усталости на дороге.

Кантадер — еще не север Нугулема, но здесь уже чувствуется дыхание предгорий, а по ночам воздух прилично остывает даже в середине лета. К утру не то чтобы стало холодно, но после знойного дня и душного вечера утренняя свежесть оказалась прекрасным бодрящим средством, чтобы разбудить меня еще до восхода солнца.

Быстро сделав с десяток разминочных движений, чтобы согреться, я направился в сторону дороги. Почти сразу мне повезло встретить крестьянина на телеге, спешащего по утренней прохладе вернуться из города в свою деревню. За медную монету он любезно согласился подвезти меня до постоялого двора в селе Сабадель и поведал новости о странном переполохе в Кантадере и наемниках, которые совместно с городской стражей проверяют всех выезжающих из города.

Я изобразил неподдельный интерес, чтобы потешить самолюбие рассказчика, и полностью поддержал его утверждение, что при короле Хуане Добром такого безобразия не происходило. Хотя откуда мне знать, как было при короле Хуане, если он правил еще до моего рождения? Жаль, что о ночных происшествиях мой попутчик не имел ни малейшего представления, завалив меня рассказами о чем

угодно, только не об интересующих меня событиях. Это было странно, поскольку обычно слухи такого рода распространяются быстрее ветра. Было похоже на то, что де Бернье настолько серьезно относится к этому делу, что убедил городского алькальда де Стефано действовать в своих интересах.

Липкие щупальца страха проникли в мою душу, заставив невольно оглянуться в сторону удаляющегося Кантадера. Что же такого украл Бельчонок, что наемники готовы ради этого перерыть сверху донизу большой город? Или ими движет только лишь месть за убитых товарищей?

Месть тоже важна, это для Ожерского легиона вопрос престижа, но на силовую поддержку завершения сделки с Мигелито были изначально брошены слишком большие силы. Что-то тут не так. И ответ может крыться в тех письмах, что Бельчонок вручил мне бонусом к оплате моих услуг. Придя к такому выводу, всю оставшуюся дорогу до Сабаделя я с трудом сдерживал желание ознакомиться с содержимым писем немедленно.

Со словоохотливым возницей мы распрощались у постоянного двора «Еловая шишка». Его деревня располагалась в стороне от большой дороги, и он предпочел продолжить путь, не задерживаясь здесь на стаканчик вина. Я же оплатил комнату, заказал завтрак в номер и велел в течение часа меня не беспокоить.

За чтение писем принялся прямо за едой, терпеть дольше не было мочи. Дважды останавливался из-за охватывавшего меня чувства стыдливости — чтение подобных писем для меня все равно что подглядывание в замочную скважину. Неприлично. Да и ничего необычного в них не было, про-

сто любовная переписка молодого дворянина и замужней женщины. Причем, судя по пожелтевшей бумаге и выцветшим чернилам, истории этой было как минимум пара десятков лет, так что нельзя было даже быть уверенным, что ее участники еще живы и находятся в добром здравии.

Но любопытство и желание пролить свет на причины наших с Бельчонком злоключений в конце концов преодолели мои моральные устои, заставив-таки дочитать чужие письма до конца.

Дворянина звали Фернандо, сеньору — София, и их любовная связь длилась не менее пяти лет. Более того, плодом этой любви стали двое сыновей! Потом любовникам пришлось расстаться, но полная трогательных слов переписка продолжалась еще много лет.

Ну и что здесь, черт побери, такого, что могло заинтересовать де Бернье? Настолько заинтересовать, чтобы отвалить за эти письма кучу золота Бельчонку, а потом перевернуть половину Кантадера в их поисках? Решительно не понимаю! Ладно бы история была относительно свежа, чтобы использовать ее в целях шантажа, но тут-то все не так: случилось это лет так двадцать-тридцать назад, и бастардам, рожденным от этой яркой, но, по сути, преступной любви, сейчас больше лет, чем мне.

Я настолько погрузился в размышления, что не сразу обратил внимание на доносящийся с улицы шум. Судя по всему, на постоялый двор прибыло сразу много людей, и они вполне могли оказаться наемниками Ожерского легиона. Эта тревожная мысль заставила меня испуганно метнуться к окну.

Слава богу, нет. Это были не люди де Бернье. Во дворе «Еловой шишки» стояла роскошная каре-

та с незнакомым мне гербом на дверце. Слуги в синих ливреях выгружали из нее дорожные сундуки, местные конюхи распрягали лошадей, а богато одетый толстячок лет пятидесяти на вид на повышенных тонах разговаривал с группой вооруженных людей. Последних было восемь человек, и по тому, как почтительно они себя вели по отношению к толстяку, можно было определить их как находящихся на службе у этого чем-то недовольного господина.

Судя по всему, это нанятая охрана при богатом сеньоре, причем почти целиком состоящая из бывших солдат. Лишь предводитель, как раз и споривший о чем-то с нанимателем, явно был дворянином.

Я высунулся в окно, стараясь разобрать суть спора, но тут распахнулась дверца кареты, и во дворе «Еловой шишки» появилась прелестная молодая девушка. Правильные черты лица, вьющиеся каштановые пряди, выбивающиеся из-под модной шляпки, легкая походка... Она не могла не привлечь к себе внимания. Причем не только моего, но и всех находившихся в это время во дворе, включая командира охраны и сердитого сеньора. Все как по команде замолкли, обратив свои взоры на сеньориту.

— Отец, я распоряжусь насчет завтрака! Сеньоры, жду вас через четверть часа в общем зале!

— Сеньоры, Элена, не хотят нас дальше сопровождать! — нервно выпалил хозяин кареты. — Хотя уговор был совсем другой!

— Насильно мил не будешь, папенька, не хотят — не надо. В Энсенато найдем новую охрану.

Сказано это было совершенно спокойно, без малейших проявлений гнева или презрения к нарушившим договор охранникам, но и без сожаления.

ния. Я невольно залюбовался девушкой, демонстрировавшей завидную выдержку и в то же время отсутствие высокомерия и заносчивости. Большая редкость по нынешним временам в среде юных аристократок, знаете ли.

И тут, словно почувствовав мой взгляд, сеньорита подняла голову и увидела меня, наполовину высунувшегося в окно. Наши взгляды встретились, я в первый момент растерялся, но потом сподобился-таки на молчаливое приветствие. Элена ответила легким кивком головы, после чего направилась внутрь «Еловой шишки». Из моей же груди невольно вырвался вздох сожаления: почему-то сразу подумалось, что именно такую девушку я хотел бы видеть хозяйкой в своем доме, и тут же вспомнилось, что никакого дома у меня нет, а голодранцам вроде меня не стоит даже мечтать о таких сеньоритах.

— Как жаль! — прошептал я и снова вздохнул.

Невольно моя рука нащупала перевязь, в которую я загодя аккуратно перепрятал все монеты из оставшегося от Бельчонка кошелья. По иронии судьбы, именно сейчас я чувствовал себя обеспеченным на год вперед человеком. Правда, это если вести тот образ жизни, что я вел в Кантадере. В таком случае я мог бы безбедно существовать, даже не торгуя, как обычно, своей шпагой, но этих денег было явно недостаточно, чтобы обзавестись собственной усадьбой или даже просто домом.

От невеселых мыслей меня отвлек осторожный стук в дверь. Слуга сообщил, что оседланная лошадь ожидает меня в конюшне. Что ж, не нужно забывать о грозящей мне опасности. Чем быстрее я уберусь подальше отсюда, тем больше у меня будет шансов остаться в живых.

Глава 5

В эту ночь долина Акутель была ярко освещена огнями сотен больших костров и тысячами факелов. Почти десять тысяч эльфов праздновали великую победу над ненавистным Нугулемом. Несколько веков враги из рода человеческого шаг за шагом теснили светлых воинов в дремучие леса и холодные горные долины, не успокаиваясь, пока по эту сторону гор оставался хоть один эльф. Ненасытных южан остановили скорее горы с их суровым климатом и дефицитом плодородных земель, нежели упорство ослабленных постоянными войнами эльфов. В результате нугулемской экспансии эльфийское королевство Анкилон лишилось чуть не половины населения и двух третей территории.

Эльфам было за что ненавидеть весь род человеческий, они веками мечтали о мести людям, которых презрительно называли сегдами, и неоднократно предпринимали попытки взять реванш, но люди становились все сильнее и раз за разом наносили анкилонцам болезненные поражения. Дело дошло до того, что подданные эльфийского владыки на несколько десятилетий заперлись в горах, радуясь уже тому, что их просто оставили в покое. Многие тогда склонны были поверить в пророчества об угасании эльфийской расы.

Но три года назад Нугулем ввязался в войну с Эскаронем и потерпел жестокое поражение, его северные границы оказались почти беззащитными, чем поспешили воспользоваться анкилонцы, практически без сопротивления вернув себе несколько плодородных долин. Может, нугулемцы и отбили бы их обратно, да неожиданные союзники в лице

эскаронцев подтвердили законность эльфийских завоеваний условиями мирного договора. Так что нугулемскому королю пришлось смириться с тем фактом, что долины остались за Анкилоном.

Однако подобное положение дел категорически не устраивало приграничных землевладельцев: одни из них лишились своих наделов, другие не желали иметь столь беспокойных соседей, как эльфы, так что мира на новой границе не было ни дня. В непрекращающихся взаимных набегах гибло мирное население, угонялся скот, уничтожался урожай. Численность вовлеченных в противостояние постоянно росла, столкновения шли с переменным успехом, но до сих пор это были все же пограничные стычки. А вот сегодня в долине Акутель произошло первое полноценное сражение между баронами нугулемского севера и анкилонской армией князя Лантаниона Агирре. И впервые за долгое время эльфы одержали в ней убедительную победу.

Светлейший князь Лантанион из великого дома Агирре сегодня просто светился от счастья. Его ставка на армию приносила все большие дивиденды. А ведь риск потерпеть очередное поражение от Нугулема и тем самым угробить свою репутацию был очень велик. Не зря же добрый десяток представителей великих эльфийских домов под разными предлогами отказались от этой сомнительной чести. Что ж, пусть теперь кусают локти, ведь благодаря этой победе его шансы на трон владыки уже возросли, а при грамотном ведении дел и вовсе могут взлететь до небес!

Строго говоря, сегодняшняя битва не была крупной, но это не так уж и важно. В конце концов, смотря с чем сравнивать. А сравнивать будут с поражения-

ми последних десятилетий да результатами мелких пограничных стычек. И тут уж результат налицо! Уж слишком давно Анкилон не побеждал Нугулем в полноценных полевых сражениях. И пусть большая часть нугулемской армии представляла собой сборную солянку из ополчений местных баронов, регулярные части королевской армии тоже присутствовали на поле боя. А раз так, можно смело трубить на весь мир о великой победе над людьми! Здесь главное — правильно подать новость, сделать акцент на нужных вещах, все остальное пусть останется в тени, а через время и вовсе сотрется из памяти.

И то, что фактически анкилонской армией в бою руководил генерал Арчерион, тоже не так уж важно, ведь он всего лишь простой тан, то есть дворянин низшего пошиба, и за ним не стоит ни один из великих домов. Мало того, даже в захудалом доме Эйнаурральде он является изгоем, так что политического веса не имеет никакого. Если уж на то пошло, он вообще прибыл сюда представителем эскаронского короля для помощи в реорганизации эльфийской армии и любой свой шаг согласовывает с ним, светлейшим князем Лантанионом.

— Слава светлейшему князю Лантаниону из дома Агирре и его победоносной армии! — торжественно провозгласил Нимидель, эльф из ближайшего окружения князя.

— Слава! Слава! Слава! — взметнулись вверх тысячи наполненных сладким эльфийским вином кубков.

— Арчериону из дома Эйнаурральде, нашему полководцу, слава! — поднявшись, зычным голосом провозгласил князь.

— Слава! Слава! Слава!

На этот раз возгласы прозвучали на порядок тише, но на лице генерала не дрогнул ни один мускул. Он давно уже не питал иллюзий по поводу всенародной любви к себе на родине. Не нужно было ему возвращаться! Все ведь было у него в Эскароне: дом, друзья, служба, уважение, но разве же начальнику департамента безопасности откажешь?

— Друг мой, ты необычайно мрачен для такого великого праздника, — над ним склонилось широкоскулое лицо Лантаниона с хищно загнутым носом, — ты больше других заслужил эти почести. Ведь это ты принес нам победу! Настоящую, большую победу!

— Для нугулемцев стали большим сюрпризом наши пушки, — пожал плечами Арчер, — в следующий раз они так не оплошают.

— В следующий раз будет следующий раз, — усмехнулся князь, — а сегодня мы празднуем победу! Пей, веселись, наслаждайся моментом!

— Да, светлейший! — Спорить с представителем великого дома Агирре было бесполезно, поэтому эльфийский полководец покорно склонил голову.

— Мои поздравления, светлейший! Наконец-то сегдам указали их истинное место!

Перед князем подобострастно склонился высокий светловолосый эльф. Из-под расшитого золотыми позументами плаща была видна переливающаяся в свете огней факелов серебряная кольчуга — признак древности и богатства дома. Ничего удивительного, ведь эрлы — это вам не какие-нибудь таны или простые эльфы. На эльфийской сословной лестнице они лишь на ступеньку ниже князей, так что в большинстве своем немногим уступают им в деньгах и власти.

— Эрл Мереон Азкаррага! — Князь отсалютовал подошедшему кубком. — Ваш отряд сегодня покрыл себя славой! Будьте покойны, владыке будет доложено о ваших подвигах!

— Благодарю вас, светлейший князь! Надеюсь, в ближайшее время у нас будет возможность совершить еще много подвигов, ведь исконные земли Анкилона простираются еще на сотни километров на юг.

— Об этом мы подумаем завтра, Мереон! Но, признаюсь тебе честно, — хитро улыбнувшись, эльфийский предводитель подмигнул собеседнику, — у нас с генералом Арчерионом существуют разногласия по поводу дальнейших действий.

— Тан Эйнаурральде слишком долго прожил среди сегдов. — Мереон отвесил Арчеру вежливый полупоклон, но даже не пытался убрать с лица насмешливую улыбку. — Неужели их женщины лучше эльфиек?

— Не о том думаешь, эрл, — усмехнулся в ответ генерал, — для нас сейчас было бы величайшей глупостью подавиться насмерть, попытавшись откусить слишком большой кусок пирога.

— Скажи, Арчерион, — вкрадчиво промолвил Мереон, — почему ты так жалеешь нугулемцев? Ты ведь жил в Эскароне, а там почти так же их ненавидят, как и у нас.

— Ты меня не слышишь, — печально покачал головой Арчер.

— Довольно споров! — прервал дискуссию князь. — Сегодня мы пьем за победу и ее главного творца — нашего генерала Арчериона! Слава!

— Слава! Слава! Слава! — отозвались сотни эльфийских голосов.

Как только представитель великого дома, увлеченный празднованием, забыл о нем, Арчерион поспешил исчезнуть. Он вернулся в свою палатку, зажег масляный фонарь и склонился над расстеленной на походном сундуке картой. Генерал смотрел на нее, но мысли его были далеко.

Ведь как все хорошо начиналось! В вечном противостоянии с Нугулемом Эскарону был нужен сильный союзник на севере, и эльфы были подходящим вариантом. Тем более что новым главнокомандующим был назначен Лантанион, сумевший даже на начальника департамента безопасности Эскарона графа де Бюэя произвести впечатление благоразумного и деятельного командира. Настолько благоразумного, что он готов был преодолеть традиционный для своего народа консерватизм по отношению к огнестрельному оружию.

Эльфы в большинстве своем никак не желали избавиться от высокомерия по отношению к людям и всему людскому, потому упрямо не желали признавать превосходство аркебуз, мушкетов и пушек над луками, копьями и наррашами. Нужно ли говорить о том, сколько сражений было проиграно из-за этих дурацких предубеждений?

Князь Лантанион открыл новому оружию дорогу в Анкилон, само оружие поставили эскаронцы. И вот тут-то и понадобился Арчер, долгое время живший в Эскароне и хорошо знакомый как с огнестрельным оружием, так и с современными методами ведения боевых действий. Ему доверяли эскаронцы, и он был эльфом — других таких кандидатур, устраивавших бы обе стороны, просто не существовало.

И Арчерион два года пахал как проклятый, чтобы сегодня пожинать заслуженные лавры победите-

ля. Но все было не так просто. Эльфов можно было научить стрелять из аркебуз и пушек, но совершенно невозможным оказалось вытравить из них ненависть к людям, которых они презрительно называли сегдами. Это было неприятно, но Арчерион теперь понимал нугулемцев, несколько веков кряду безжалостно загонявших его предков в горы, — другого языка, кроме языка силы, эльфы не понимали.

Вот и сейчас, освоив новое оружие и убедившись, что оно в состоянии приносить пользу, его соотечественники рвались вперед, жаждали людской крови и совершенно не желали прислушиваться к доводам рассудка. Даже казавшийся таким благоразумным светлейший князь Лантанион с каждым днем все больше и больше поддавался влиянию реваншистских настроений, требующих незамедлительно идти возвращать исконно эльфийские земли. Еще немного — и даже страх похоронить вместе с поражением свои шансы на занятие в будущем трона владыки будет не в состоянии удержать князя от глупостей!

Зря граф де Бюэй поверил в Анкилон! Эльфы не будут играть по его правилам. Несмотря на все усилия Арчера, они полезут вглубь Нугулема, нугулемцы расценят это как нападение и пришлют на север королевскую армию. Будет война, в которой у Анкилона нет никаких шансов на победу. А эскаронцам-то как раз война не нужна! Им нужно иметь на севере вооруженный кулак, способный в случае нового обострения отношений с грозным соседом угрожать совместным ударом ему во фланг!

— Что ж, может, это и к лучшему, — прошептал генерал.

Никак он не мог предполагать, насколько неуютно будет себя чувствовать среди соотечествен-